

Через шестнадцать лет, 11 октября 1794 года, прах Руссо был торжественно перенесен в Пантеон и положен рядом с прахом Вольтера. Позже на его родине, в Швейцарии, жители Женевы воздвигли на Бильском озере памятник своему великому соотечественнику.

БЛИЖАЙШИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

К числу ближайших предшественников Руссо в области общественно-политической мысли следует отнести Гуго Гроция (1583—1645), Томаса Гоббса (1588—1679), Джона Локка (1632—1704), Шарля Луи Монтескье (1689—1755). При этом нужно признать, что в формировании идейно-политического облика Руссо решающую роль сыграли прежде всего его необыкновенные способности, крупный литературно-художественный талант, страстное стремление к свободе, равенству, всеобщему счастью и, наконец, прочная политическая солидарность с людьми «третьего сословия», т. е. с большинством французской нации.

В чем суть учений его ближайших предшественников? Гуго Гроций, крупный нидерландский ученый-юрист, в 1625 году выпустил в свет свое главное сочинение — «О праве войны и мира», в котором утверждал, что в условиях первобытных отношений стихийно господствовало естественное право, коренящееся в самой природе человека, и что нормы его неизменны, вечны. К числу важнейших норм естественного права Гроций относил ряд морально-политических требований, которые в его время, по сути дела, отвечали также элементарным интересам буржуазии. Вот некоторые из этих требований: «не посягай на чужое добро», «вознаграждай за причиненный вред», «возвращай то, что не принадлежит тебе», «выполняй данное обещание».

Первым источником естественного права, рассуждал Гроций, является сама природа, ибо именно она заставила людей искать общества себе подобных, т. е. стремиться к общению, к мирной, разумно организованной жизни. Вторым источником права, делая уступку официальному средневековому богословию, Гроций признавал бога — творца всего сущего. Третьим источником он считал волю людей, т. е. человеческое право, цель которого состоит в

организации общей пользы. Главную роль в этом деле, по мнению Гроция, должна играть абсолютная верховная власть, возникающая якобы в результате добровольного отказа людей от своей первобытной естественной свободы. Отсюда следовало, что верховная власть представляла собой не продукт естественного права, а некий исторический факт. По словам Гроция, абсолютная верховная власть произошла не из природы и не из силы, она есть результат добровольного договора, сознательно заключенного людьми «ради права и общей пользы».

Соглашаясь с некоторыми выводами Гроция, Руссо вместе с тем подвергал критическому разбору его учение о происхождении верховной власти, подчеркивая враждебность этого учения интересам народа.

Во-первых, отказ индивидуума или целого народа от своей неограниченной естественной свободы, писал Руссо, «несовместим с природою человека; лишить человека свободы воли — это значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности. Наконец, бесполезно и противоречиво такое соглашение, когда, с одной стороны, выговаривается неограниченная власть, а с другой — безграничное повиновение»¹.

Во-вторых, Гроций и другие видят происхождение так называемого права рабовладения еще и в войнах. Но это утверждение несостоятельно, рассуждал Руссо, хотя бы потому, что «люди, пребывающие в состоянии изначальной независимости, не имеют столь постоянных сношений между собою, чтобы создалось состояние войны или мира; от природы люди вовсе не враги друг другу. Войну вызывают не отношения между людьми, а отношения вещей...»².

Далее Руссо остроумно доказывал, что войны отнюдь не дают никаких прав победителю убивать побежденных или превращать их в рабов: «Врага можно убить только в том случае, когда его нельзя сделать рабом, следовательно: право поработить врага не вытекает из права его убить; значит, это несправедливый обмен — заставлять его покупать ценою свободы свою жизнь, на которую у победителя нет никаких прав»³.

В «Общественном договоре» Руссо обратил внимание и на тот факт, что между учением Гроция и Гоббса суще-

¹ Руссо Ж. Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969, с. 156.

² Там же, с. 156—157.

³ Там же, с. 158.

ствуется внутренняя связь. Суть этой связи, по мнению Руссо, состоит в том, что учение как того, так и другого могло служить опорой тиранов и врагов свободы. По Гроцию, неясно, писал Руссо, «принадлежит ли человеческий род какой-нибудь сотне людей, или, наоборот, эта сотня людей принадлежит человеческому роду, и на протяжении всей своей книги он, как будто, склоняется к первому мнению. Так же полагает и Гоббс. Таким образом, человеческий род оказывается разделенным на стада скота, каждое из которых имеет своего вожака, берегущего оное с тем, чтобы его пожирать»⁴.

Руссо упрекал Гроция и Гоббса за то, что их рассуждения об «управителях» и «управляемых» совершенно не новы и не оригинальны, что служат они не интересам народа, а благоприятны только для господ и тиранов. «Аристотель,— писал Руссо,— прежде, чем все они (т. е. Гроций и Гоббс.— А. Д.), говорил также, что люди вовсе не равны от природы, но что одни рождаются, чтобы быть рабами, а другие — господами»⁵.

Но Аристотель, по словам Руссо, был прав постольку, поскольку «он принимал следствие за причину. Всякий человек, рожденный в рабстве, рождается для рабства; ничто не может быть вернее этого. В оковах рабы теряют все, вплоть до желания от них освободиться, они начинают любить рабство, подобно тому как спутники Улисса полюбили свое скотское состояние.

Итак, если существуют рабы по природе, так только потому, что существовали рабы вопреки природе. «Сила создала первых рабов, их трусость сделала их навсегда рабами»⁶.

Смелые, бескомпромиссные рассуждения Руссо читала демократическая Франция, ее бесправное «третье сословие», стремящееся осознать свои собственные классовые интересы. Мятущий голос Руссо убедительно разъяснял, что никогда рабство не может быть аргументом против свободы и равенства, что доводы Гроция и Гоббса ложны и антинародны, так как мнимое право господина на своего раба сводится лишь к праву силы. Рабство возникло на земле, подчеркивал Руссо, не как плод добровольного отказа людей от своих неограниченных естественных

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 153—154.

прав, а как результат насилия и жестокости; оно нелепо и безнравственно.

Говоря о социальных взглядах Гроция, важно иметь в виду и то обстоятельство, что эпоха, в которую он жил, оставляла мало места для официальной критики теологии и средневековой схоластики. Всякое возражение против богоустановленности верховной власти в ту пору подлежало строжайшему осуждению. Но, несмотря на господство клерикализма и фанатизма, Гроций высказал в своей книге довольно смелые мысли о том, что верховная власть имеет не божественное, а земное происхождение и что всякое злоупотребление, откуда бы оно ни исходило, наказуемо и должно быть исследуемо «глазами разума». Маркс высоко ценил антитеологический характер этого учения Гроция.

В «Общественном договоре» Руссо довольно часто упоминает и о политическом учении Томаса Гоббса. Этот выдающийся английский философ, представитель механистического материализма, был сторонником неограниченного характера государственной власти, апологетом деспотического правления Стюартов. Его социально-политические воззрения отличались антидемократическими тенденциями.

В сочинениях «Философские элементы учения о гражданине», «Левиафан» и других Гоббс подвергал критике теорию естественного состояния человеческого рода. Первобытное естественное состояние, заявлял он, не заманчивая идиллия. Оно представляло собою картину жестоких столкновений и распрей — «войну всех против всех». Каждый человек, стремясь к неограниченной личной свободе, рассуждал он, неизбежно встречал на своем пути подобное же стремление у других людей. А это приводило к взаимной вражде, к зоологическим насилиям и зверствам. В условиях естественного состояния, резюмировал Гоббс, «человек человеку — волк».

Если бы такое состояние продолжалось очень долго, оно привело бы человеческий род к безысходному хаосу. Но разум в конце концов дал понять людям, что в их же собственных интересах нужен мир и что он может быть установлен путем заключения общественного договора. Однако этот договор, по мысли Гоббса, означал отречение от неограниченной естественной свободы в пользу одного лица — государя, персонификацию абсолютной верховной власти. Без суверенной власти право людей на какую-либо

вещь является не собственностью, а общностью, и в этом случае люди возвращаются к положению войны всех против всех. В лице Томаса Гоббса английский абсолютизм эпохи Карла II видел своего талантлившего пропагандиста и защитника короны.

Руссо резко критиковал антидемократические тенденции Гоббса, его «презрение к свободе и равенству». Но это не мешало ему видеть сильные стороны учения английского философа-материалиста, а именно его антифеодалные взгляды на церковную гегемонию. «Из всех христианских авторов философ Гоббс,— писал Руссо,— единственный, кто хорошо видел и зло, и средство его устранения, кто осмелился предложить соединить обе главы орла (т. е. церковь и государство.— А. Д.) и привести все к политическому единству, без которого ни Государство, ни Правление никогда не будут иметь хорошего устройства»⁷.

В «Общественном договоре» и в других сочинениях Руссо мы находим также ссылки на английского философа-материалиста Джона Локка. В истории политико-экономических учений Локк известен как основоположник буржуазной теории конституционализма. Он выводил происхождение верховной власти и государства из взаимного договора, заключенного между королем и народом для обеспечения собственности, свободы и общественного порядка. В государстве Локк признавал две власти — законодательную и исполнительную. Первая должна быть сосредоточена в парламенте, вторая, исполнительная, — прерогатива короля. Политические взгляды Локка оказали влияние на Монтескье и Руссо. Энгельс, характеризуя религиозные и политические взгляды Локка, писал: «Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года»⁸.

В трактате «Несколько мыслей о воспитании» Локк выступал против схоластической системы обучения и воспитания, доказывал необходимость физического воспитания наравне с нравственным и духовным. Согласно Локку, на детей надо действовать главным образом убеждением, обращаясь к их разуму. В этом вопросе Руссо расходился не только с Локком, но и со всеми предшествующими ему французскими авторитетами — Монте-

⁷ Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 250.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419;

нем, Лабрюйером и др. В соответствии со своими морально-педагогическими взглядами он утверждал, что самая важная и первоначальная задача воспитания — это сделать детей восприимчивыми к тому, что им внушают. «Сам Локк, мудрый Локк,— писал Руссо в романе „Юлия, или Новая Элоиза“,— позабыл сию основу; он больше говорит о том, что следует требовать от детей, нежели о том, как этого добиться от них»⁹.

Несмотря на ряд подобных оговорок, встречающихся в сочинениях Руссо, Джон Локк, безусловно, являлся одним из непосредственных его вдохновителей. У Локка Руссо заимствовал идею о высокой ценности физического воспитания, большую часть наблюдений и советов по уходу за ребенком и мысли о естественном и лишенном принуждения образе жизни воспитанника.

Большое влияние на Руссо оказал выдающийся французский социолог Шарль Луи Монтескье. В своем философском сочинении «Персидские письма» (1721) он подверг остроумной критике французский абсолютизм.

Путешествующий по Европе персиянин, состоящий в переписке со своим другом, резко осмеивал политические злоупотребления королевского двора, чиновников, церкви, произвол и коррупцию, господствовавшие во Франции в годы правления Людовика XV. Французский король, говорится в этих письмах,— искусный чародей: он властвует даже над умами своих подданных и заставляет их думать все, что ему угодно.

Гораздо значительнее второе произведение Монтескье — «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). Здесь высказана глубокая, заслуживающая серьезного внимания мысль, что судьбы народов и государств обуславливаются не столько отдельными победами или поражениями, сколько чистотой нравов, любовью к труду, к отечеству. Монтескье развил мысль и о том, что древний Рим был велик, могуществен, пока господствовала в нем политическая свобода, и он пал, когда эта свобода вследствие порчи нравов была им утрачена. «Размышления» получили широкое распространение во Франции и сыграли положительную роль в подготовке революции 1789—1794 годов.

Главное произведение Монтескье — «О духе законов» (1748) — представляет собою капитальное исследование

---

⁹ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 2, с. 489.

вопроса об основных условиях и гарантиях политической свободы. В нем дана в буржуазном аспекте классификация государств трех типов: монархического, деспотического и республиканского. Пригодность и жизнеспособность каждого типа государства, по мнению Монтескье, обусловлены прочностью принципов: в монархии — чувства чести; в деспотии — чувства страха; в республике — чувства любви к отечеству.

Лучшей гарантией политической свободы Монтескье считал разделение и уравновешение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Он утверждал, что подобное разделение явится не только гарантией полного осуществления политической свободы, но и решающим условием успешного устранения всевозможных государственных злоупотреблений.

В «Духе законов» Монтескье был не чужд идеи компромисса с феодально-абсолютистским порядком; он признавал вполне правомерной конституционно-монархическую форму правления и оправдывал эту точку зрения исторической незрелостью французской нации. Французы, по его словам, были якобы более подготовлены к установлению конституционной монархии, чем к республиканской форме правления.

Сочинения Руссо изобилуют не только возражениями против тех или иных принципов, сформулированных его теоретическими предшественниками и современниками, или одобрением их. У Руссо мы находим вдохновенную проповедь республиканско-демократических идеалов XVIII века, страстный протест против лжи и лицемерия аристократии, против прогнившего феодально-бюрократического режима и неуклонное, искреннее стремление, приносить посильную пользу своему народу.

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Литературную и общественную известность Руссо приобрел весьма своеобразно. Однажды летом 1749 года он шел на свидание к своему другу Дени Дидро, который в то время томился в заточении в Венсеннском замке, около Парижа. Читая дорогой газету «Вестник Франции», Руссо заметил небольшое объявление. Дижонская академия